
СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Н.М. Лямин

Кафедра международного права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье раскрывается понятие универсальной юрисдикции, постепенное становление и признание принципа данной юрисдикции в международном праве. Раскрывается возможность и условия осуществления универсальной юрисдикции органами международного уголовного правосудия, в частности, Международным уголовным судом.

Ключевые слова: универсальная юрисдикция, международное уголовное правосудие, Международный уголовный суд, правосубъектность, компетенция.

Международные преступления затрагивают интересы всего международного сообщества. Исходя из данного обстоятельства, все большее распространение получает точка зрения, что на уголовное преследование в отношении лиц, виновных (или подозреваемых) в совершении подобных преступлений не должны распространяться ограничения, установленные международным правом для национальных юрисдикций.

В соответствии с вышеупомянутыми ограничениями государство может распространить собственную уголовную юрисдикцию на преступления, имеющие с ним очевидную связь. Подобная связь может проявляться через действие во времени (территория государства), действие по кругу лиц (гражданство или место проживания субъекта преступления и (или) жертвы преступления), а также нарушенного преступным деянием законного интереса государства.

В отношении преследования международных преступлений следует констатировать постепенное формирование практики по внесению в национальные законодательства и последующее применение рядом государств элементов универсальной юрисдикции, предусматривающей компетенцию государства по привлечению к уголовной ответственности физических лиц, безотносительно их гражданства (места проживания), гражданства (места проживания) потерпевших, а также места совершения преступления и наличия затронутых данным преступным деянием законных интересов вышеуказанного государства.

Р. О'Киф так определяет сущность универсальной юрисдикции: «Универсальная юрисдикция — это предписательная юрисдикция над преступлениями, совершенными за границей лицами, которые во время совершения противоправного деяния не являлись ни резидентами, ни гражданами предписывающего государства

и деяния которых не являются угрозой для фундаментальных интересов государства, осуществляющего подобный вид юрисдикции» [9. С. 745].

Принцип универсальной юрисдикции еще не получил окончательного закрепления в международном праве в качестве общепризнанного. Тем не менее, определенные тенденции к подобному закреплению можно обнаружить в ряде универсальных международных договоров: Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Международной конвенции «О пресечении преступления апартеида и наказании за него» от 30 ноября 1973 г., Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г.

Понятие «универсальная юрисдикция» имеет достаточно продолжительную историю. Своему появлению оно обязано правовой концепции «*hostis humani generis*» («врагов всего человечества»), провозглашающей необходимость наказания преступников, нарушающих законные интересы всех государств.

Исторически первым примером преступления, подпадающего под универсальную юрисдикцию, явилось пиратство. Со времен Римской империи пираты признавались преступниками, должны были подвергнуться наказанию, независимо от того, какому государству они причинили вред.

В дальнейшем универсальная юрисдикция в отношении пиратства превратилась в обычную норму международного права, а затем и закреплена в нормах универсальных международных договоров. Так, ст. 105 («Захват пиратского судна или пиратского летательного аппарата») Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. провозглашает: «В открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого то ни было государства любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо судно, или летательный аппарат, захваченные посредством пиратских действий и находящиеся во власти пиратов, арестовать находящиеся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество. Судебные учреждения того государства, которое совершило этот захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц» [4. С. 638].

В дальнейшем к преступлениям, подпадающим под универсальную юрисдикцию, стали относить военные преступления, преступления против человечности и преступление геноцида.

В настоящее время универсальная юрисдикция закреплена в уголовном законодательстве целого ряда стран. Некоторые государства приняли национальные нормативно-правовые акты, имплементирующие нормы международного (в частности, международного гуманитарного) права. Среди данных государств следует отметить Бельгию (которую зачастую называют «лабораторией применения универсальной юрисдикции») и Германию (принявшую национальный нормативно-правовой акт, на сегодняшний день наиболее полно и последовательно имплементировавший на внутригосударственном уровне нормы между-

народного уголовного и международного гуманитарного права — Кодекс преступлений против международного права (VStGB) от 26 июня 2002 г.).

Однако несмотря на то, что универсальная юрисдикция государств в отношении международных преступлений получает все большее признание, остается непроясненным вопрос: может ли распространяться международная правоспособность по ее осуществлению на производные субъекты международного права, то есть на международные организации.

С достаточной очевидностью можно констатировать, что международные организации могут обладать правоспособностью для уголовного преследования и правосудия в отношении лиц, виновных в совершении международных преступлений при наличии у них соответствующей предметной и юрисдикционной компетенции, непосредственно зафиксированной в их учредительных уставах. Также очевидно, что государства-учредители подобных международных организаций, обладая полной правосубъектностью, способны делегировать данным организациям (посредством соответствующих норм, зафиксированных в их уставах) свои полномочия по возможности осуществления универсальной юрисдикции в отношении преступлений, затрагивающих интересы всего мирового сообщества.

Безусловно, это относится лишь к производным субъектам международного права, наделенным судебными полномочиями, действующим в строго очерченных процессуальных рамках, предоставляющим подсудимому право на защиту.

Иное положение вещей вошло бы в противоречия с основополагающими правами человека, зафиксированными в многосторонних международных договорах и актах международных организаций. Один из наиболее значимых международных документов в области защиты прав личности Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. в п. 1 ст. 11 провозглашает: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все права для защиты» [2. С. 40–41]. Право каждого человека на компетентное, независимое и беспристрастное судебное производство закреплено также в таких важнейших многосторонних международных договорах, как Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Наличие вышеуказанной правоспособности столь же неоднозначно нельзя констатировать в отношении всех органов международной уголовной юстиции. Для прояснения данного вопроса необходимо определить наличие у таких судебных органов международной правосубъектности. Таким образом, следует определить, относятся ли органы международной юстиции к международным организациям.

Безусловно, к международным организациям не могут быть отнесены международные уголовные трибуналы *ad hoc* по Руанде и бывшей Югославии. Данные трибуналы были созданы на основании резолюций Совета Безопасности ООН, в качестве его вспомогательных органов.

Совершенно иную международно-правовую реальность представляет Международный уголовный суд (далее — МУС, Суд). Правосубъектность МУС зафиксирована в его учредительном документе Римском Статуте Международного уголовного суда (далее — Статут, Римский Статут). Так, ч. 1 ст. 4 Статута констатирует: «Суд обладает международной правосубъектностью. Он также обладает такой правоспособностью, какая может оказаться необходимой для осуществления его функций и достижения его целей» [7. С. 258].

Международный уголовный суд правомочен заключать от собственного имени международные договоры (включая договоры с государствами-членами Статута и международными организациями), устанавливать дипломатические отношения с другими субъектами международного права, формировать собственную систему «внутреннего права».

Помимо международной правосубъектности у Международного уголовного суда присутствуют и другие основные признаки международной организации: учреждение на основе международного договора, наличие постоянных органов и постоянный характер деятельности.

При этом рядом юристов-международников оспаривается принадлежность МУС к международным организациям. Это обусловлено своеобразием институциональной структуры МУС. Так, Ассамблея государств — участников Римского статута не является органом, интегрированным в структуру Международного уголовного суда.

В отличие от остальных международных организаций, где аналогичные органы компетентны рассматривать любые вопросы, связанные с деятельностью данной организации, Ассамблея лишь выполняет функции законодательного органа и органа наблюдения за административной деятельностью Суда, не затрагивая непосредственно судебную деятельность. Подобная институциональная модель необходима для обеспечения основополагающих принципов права: независимости правосудия и обеспечения состязательности процесса [5. С. 533–539].

Статут предусматривает универсальную юрисдикцию МУС только в случае передачи Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава ООН, Прокурору Суда ситуации, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько международных преступлений.

Данное право, в частности, было реализовано Советом Безопасности ООН в резолюции 1599 от 31 марта 2005 г., передавшей на рассмотрение Международного уголовного суда ситуацию в Судане (не являющегося участником Римского Статута).

В случаях, предусмотренных пунктами «а» («ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько таких преступлений, передается Прокурору государством-участником в соответствии со ст. 14») [3. С. 268] и «с» («Прокурор начал расследование в отношении такого преступления в соответствии со статьей 15») [3. С. 268] ст. 13 Статута, Международный уголовный суд может осуществлять свою юрисдикцию при наличии определенных условий. Данные условия изложены в ч. 2 ст. 12 Статута («Условия осуществления юрисдикции»):

«В случае подпунктов (а) или (с) статьи 13 Суд может осуществлять свою юрисдикцию, если одно или несколько из нижеуказанных государств являются участниками настоящего статута или признают юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 3:

а) государство, на территории которого имело место данное деяние или, если преступление было совершено на борту морского или воздушного судна, государство регистрации этого морского или воздушного судна;

б) государство, гражданином которого является лицо, обвиняемое в совершении преступления» [7. С. 267].

Пункт 3 ст. 12 Статута говорит о возможности признания юрисдикции Суда *ad hoc* государством, не являющимся участником Римского Статута. Однако подобное признание является добровольным односторонним актом государства.

Таким образом, можно констатировать в данный момент отсутствие у Международного уголовного суда правоспособности для осуществления «неограниченной» универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений.

В то же время это не означает отсутствие принципиальной возможности для органа международного уголовного правосудия обладать подобной компетенцией. Осуществление МУС универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений в полном объеме может стать международно-правовой реальностью при наступлении ряда предварительных условий.

1. Признание правосубъектности МУС *erga omnes* всеми государствами мирового сообщества. Несмотря на ратификацию Римского Статута большинством государств мирового сообщества (на апрель 2013 г. 122 государства ратифицировали Статут, 31 — подписали, но не ратифицировали), значительное число государств возражает против самой идеи постоянного органа международного уголовного правосудия, не желая мириться с ограничением государственного суверенитета. Подобное признание правосубъектности Суда всеми государствами (а не только государствами — участниками Статута) станет необходимым (хотя и недостаточным) условием для реализации его полномочий в отношении уголовной ответственности физических лиц за международные преступления независимо от их гражданства и места совершения преступного деяния.

Более чем уместна в данной связи аналогия с признанием фактически всеми странами мирового сообщества правосубъектности ООН, что повлекло за собой всеобщее признание компетенции ее главных органов (в частности, Совета Безопасности ООН) в сфере поддержания международной безопасности.

Рассматривая подобный алгоритм признания правосубъектности международной организации, Г.И. Тункин пишет: «Участие всех государств в той или иной международной организации, обладающей международной правосубъектностью, или признание правосубъектности такой организации не только членами ее, но и всеми другими государствами делают подобную международную организацию общепризнанным субъектом международного права, субъектом “*erga omnes*”. Такими субъектами или приближающимися к этому являются Организация Объединенных Наций и большинство специализированных учреждений ООН» [8. С. 323].

2. Внесение Ассамблеей государств — участников Римского Статута соответствующих изменений в Статут, предусматривающих безусловную универсальную юрисдикцию Суда в отношении международных преступлений.

Без подобных поправок «неограниченная» универсальная юрисдикция Международного уголовного суда не сможет стать реальностью. Правосубъектность производных субъектов международного уголовного права определяется их уставом (в данном случае — Римским Статутом).

Кроме того, отправление международного уголовного правосудия международным судебным органом, не имеющим для этого необходимой компетенции, противоречило бы основополагающим правам человека.

Попытки доказывать возможность осуществления Судом «безусловной» универсальной юрисдикции, используя концепции «имманентной компетенции» или «подразумеваемой компетенции» являются бесперспективными.

Как концепция «имманентной компетенции», предполагающей возможность осуществления международной организацией любых действий (независимо от конкретных положений ее устава), необходимых для достижения ее целей, так и концепция «подразумеваемой компетенции», предполагающей, что международная организация может предпринимать действия, не предусмотренные ее уставом, в соответствии с «логикой вещей» для выполнения ее обязанностей, категорически недопустимы для определения компетенции международного судебного органа.

Вышеупомянутые концепции сами по себе являются далеко не общепризнанными. Тем более они не являются приемлемыми в международном уголовном праве. Уголовное право, как международное, так и национальное право государств (особенно государств с системой «континентального права»), отличается предельной конкретностью, не допускает расширительного толкования права (в частности, аналогии права и аналогии закона).

3. Признание универсальной юрисдикции органов международного уголовного правосудия, обладающих международной правосубъектностью и соответствующей компетенцией, зафиксированной в учредительных документах, в качестве обычной нормы международного права.

Вышеуказанное признание является необходимым условием для легитимации в качестве международно-правовой нормы возможности осуществления подобной универсальной юрисдикции. Причем подобное признание *opinio juris* частью государств мирового сообщества может быть выражено и путем молчаливого согласия.

Так, Г.И. Тункин пишет по поводу признания государствами обычных норм международного права: «*Opinio juris* означает, что государство рассматривает то или иное обычное правило как норму международного права, как правило, юридически обязательное в международном праве. Это — выражение воли государства. Когда другие государства также выражают волю в том же направлении, образуется молчаливое соглашение о признании обычного правила в качестве международно-правовой нормы» [8. С. 117].

Ранее подобное признание государствами мирового сообщества норм международного уголовного права отмечалось, в частности, в отношении ответственности за преступление геноцида. Так, В.А. Карташкин констатирует данный процесс следующим образом: «Как было отмечено ранее, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в первой же статье специально отмечается, что геноцид представляет собой преступление, нарушающее нормы международного права. Поэтому независимо от того, является ли то или иное государство участником Конвенции и запрещают ли его законы совершение геноцида, лица, виновные в данном международном преступлении, подлежат привлечению к суду и наказанию. Как справедливо подчеркивается в Консультативном заключении Международного Суда ООН от 28 мая 1951 г. относительно оговорок в отношении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, “принципы, положенные в основу этой Конвенции, являются общепризнанными и вследствие этого обязательны для всех государств даже при отсутствии каких-либо договорных связей”» [3. С. 206].

Конечно, прямые аналогии между уголовной ответственностью за преступление геноцида и осуществлением универсальной юрисдикции органами международной уголовной юстиции вряд ли приемлемы.

В первом случае речь идет не просто о норме, не только договорного, но и обычного права, а о фактически состоявшейся императивной норме международного уголовного права.

Тем не менее, данный процесс принятия государствами мирового сообщества нормы международного уголовного права в качестве общеобязательной, может послужить прецедентом для признания иных международно-правовых норм.

На практике самостоятельность Международного уголовного суда в осуществлении универсальной юрисдикции может иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

Положительный аспект подобного расширения юрисдикции МУС заключается в реализации действенного правосудия и профилактики безнаказанности в отношении международных преступлений, совершенных на территориях государств, не являющихся участниками Римского статута.

Негативные последствия вышеуказанного расширения компетенции Суда может состоять в неприятии рядом государств мирового сообщества подобного ограничения принципа государственного суверенитета. Обстоятельством, существенно смягчающим данное неприятие, может служить закрепленная в Римском Статуте модель международного уголовного правосудия, обеспечивающая справедливое представительство всех значимых правовых систем, не допускающая обратного применения права и провозглашающая принцип комплиментарности, дополнительности международного правосудия по отношению к национальному судопроизводству.

Данные преимущества делают модель Международного уголовного суда значительно более приемлемой для большинства государств мирового сообщества, чем модели международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

Уместно напомнить, что возможность осуществления универсальной юрисдикции МУС прорабатывалась экспертами Комиссии по международному праву ООН. Так, в ст. 8 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (далее — Проект), принятого на сорок восьмой сессии Комиссии по международному праву ООН, в частности декларировалось: «Юрисдикцией в отношении преступления, о котором говорится в статье 16, обладает международный уголовный суд. Однако государству-участнику не препятствуется судить своих граждан за преступление, предусмотренное в статье 16» [6. С. 46]. Упомянутая ст. 16 Проекта «Преступление агрессии» говорила об ответственности лица за планирование, подготовку, начало или проведение агрессии.

Следует отметить, что даже признание универсальной юрисдикции МУС не снимет определенных правовых проблем при ее осуществлении на практике. В частности, это касается вопросов передачи Международному уголовному суду лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений государствами, не являющимися участниками Римского Статута, а также привлечения к международной уголовной ответственности должностных лиц данного государства, наделенных иммунитетом.

Однако это поставит компетенцию Международного уголовного суда в данном вопросе на один уровень с компетенцией первичных субъектов международного права — государств и будет способствовать повышению роли международного уголовного правосудия в противодействии безнаказанности, защите прав человека и профилактики нарушения норм международного гуманитарного права.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верле Г.* Принципы международного уголовного права: учебник / пер. с англ. С.В. Саяпина. — О.: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2011.
- [2] Всеобщая декларация прав человека // Международные акты о правах человека: сб. документов. — М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М), 2000. — С. 39–43.
- [3] *Карташкин В.А.* Права человека: международная защита в условиях глобализации. — М.: Норма, 2009.
- [4] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // Международное публичное право: сб. документов / сост. и авт. предисл. К.А. Бякишев, Д.К. Бякишев. — М.: Проспект, 2009. — С. 609–683.
- [5] Право международных организаций: учебник / под ред. И.П. Блищенко, А.Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2013.
- [6] Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Международное уголовное право в документах: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М., Статут, 2010. — С. 45–53.
- [7] Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное уголовное право в документах: учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмова. — Изд. 2, перераб. и доп. — М., Статут, 2010. — С. 256–352.
- [8] *Тункин Г.И.* Теория международного права / под общей ред. Л.Н. Шестакова. — М.: «Зерцало», 2009.

- [9] *O'Keefe R.* Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // *Journal of International Criminal Justice*. — September 2004.

ESTABLISHMENT OF THE PRINCIPLE OF UNIVERSAL JURISDICTION AND ITS IMPLEMENTATION BY BODIES OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

N.M. Lyamin

The Department of International Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article explains the concept of universal jurisdiction, the gradual emergence and recognition of the principle of the jurisdiction in international law. It shows the possibility and conditions for the exercise of universal jurisdiction by bodies of international criminal justice, in particular, the International criminal court.

Key words: universal jurisdiction, international criminal justice, International criminal court, legal personality, competence.

REFERENCES

- [1] *Verle G.* Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnoogo prava: uchebnik / per. sangl. S.V. Sayapina. — O.: Feniks; M.: TransLit, 2011.
- [2] Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka // *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sb. dokumentov*. — M.: Izd-vo NORMA (NORMA-INFRA-M), 2000. — S. 39–43.
- [3] *Kartashkin V.A.* Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zaschita v usloviyakh globalizatsii. — M.: Norma, 2009.
- [4] Konventsiya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy po morskomu pravu ot 10 dekabrya 1982 g. // *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: sb. dokumentov / sost. iavt. predisl. K.A. Byakishev, D.K. Byakishev*. — M.: Prospekt, 2009. — S. 609–683.
- [5] *Pravo mezhdunarodnykh organizatsiy: uchebnik / pod red. I.P. Blischenko, A.Kh. Abashidze*. — M.: RUDN, 2013.
- [6] Proekt kodeksa prestupleniy protiv mira i bezopasnosti chelovechestva // *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo v dokumentakh: ucheb. posobie. V 2 t. T. 1 / sost. R.M. Valeev, I.A. Tarkhanov, A.R. Kayumova*. — Izd. 2, pererab. i dop. — M.: Statut, 2010. — S. 45–53.
- [7] Rimskiy Statut Mezhdunarodnogo ugolovnoogo suda ot 17 iyulya 1998 g. // *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo v dokumentakh: ucheb. posobie. V 2 t. T. 1 / sost. R.M. Valeev, I.A. Tarkhanov, A.R. Kayumova*. — Izd. 2, pererab. i dop. — M.: Statut, 2010. — S. 256–352.
- [8] *Tunkin G.I.* Teoriya mezhdunarodnogo prava / pod obschey red. L.N. Shestakova. — M.: «Zertsalo», 2009.
- [9] *O'Keefe R.* Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // *Journal of International Criminal Justice*. — September 2004.